

С.А. Бережной

ТИХАЯ РАБОТА ВЕЖЛИВЫХ ЛЮДЕЙ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военные мемуары (Вече)

Сергей Бережной

Тихая работа вежливых людей

«ВЕЧЕ»

2021

Бережной С. А.

Тихая работа вежливых людей / С. А. Бережной — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-8758-3

Эта книга написана непосредственным очевидцем событий на Донбассе. Повествует она о работе военных корреспондентов фронтового информационного агентства «ANNA NEWS» и его создателе Марате Мусине летом – осенью 2014 года. О добровольцах из России, которых называли «вежливыми людьми», поскольку именно они олицетворяли Россию и тот самый Русский мир, объединенный одной верой, одним языком, одной культурой, одной историей. О тех самых добровольцах, которые доказали, что русские действительно своих не бросают. Об ополченцах и лидерах Русской весны. О долге, верности, чести, совести, самопожертвовании, мужской дружбе. Это книга о любви к России, о пассионарности русских людей и непокоряемости русского духа.

ISBN 978-5-4484-8758-3

© Бережной С. А., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Бережной

Тихая работа вежливых людей

*Памяти Марата Мусина. Посвящается
моим боевым друзьям из группы «ANNA NEWS»*

Военно-историческая библиотека

© Бережной С.А., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Кто лишь однажды познал вкус войны, тот ненавидит её яро, неистово, до зубовного скрежета. И каждый раз, беря в руки оружие, надеется уничтожить её в зародыше, но силы слишком неравны.

Добровольцы... Они стали собратями, соратниками, единомышленниками, одержимыми одной идеей – защитой русской веры, русского языка, русской культуры. Конечно, они не могли остановить включенный таймер уничтожения низвергаемой в бездну России, но у них не было обречённости непонимания.

Ещё не обо всём можно рассказывать, да и надо ли? И долго их будут знать лишь по позывным – Док, Седой, Дед, Дракон, Водолей, Кот, Пума, Гранат, Пух, Булат... Кто-то так и уйдёт в мир иной, не раскрыв своего подлинного имени, а дома будут считать пропавшим без вести на Юго-Востоке Украины.

Это мозаика мыслей и событий, отражение пережитого и прожитого всей группой, хотя там, за «лентой», каждый жил и переживал по-своему, и у каждого была своя судьба.

Порой хотелось бы прожить жизнь иначе, но обстоятельства зачастую оказываются сильнее. Но есть высота, и её не обойти – высота совести, высота нравственности, которую кто-то берёт, кто-то отступает. Мы взяли её, потому и едем сейчас, сегодня, завтра туда, где убивают, где калечат, но где рождается русский протест. Рождается, цементируется, выкристаллизовывается русский дух, который не сломить никогда и никому!

Время описываемых событий – несколько дней лета и осени две тысячи четырнадцатого. Удивительно, но ровно сто лет назад началась Первая мировая. Теперь мы разматывает третью, в которой решается судьба русской православной цивилизации. Три мировых войны за сто лет, в которых пытаются уничтожить нас. Не много ли? Кому ещё по силам выдержать это?

И до, и после были другие события и другие поездки, более насыщенные, порой на грани выживания, порой рутинные и обыденные, ничем не примечательные внешне, но всегда психологически и физически выматывающие. Почему выбрал именно несколько дней две тысячи четырнадцатого? Наверное, потому, что были они спрессованы в одно мгновение и лишь потом раскадрированы по времени и людям. Может быть, потому, что тогда ещё всё воспринималось остро и обнаженно и души наши сочились болью от увиденного, сжимались кулаки, каменели скулы и ожесточались сердца жадой мести. Может быть, потому, что был какой-то пассионарный взрыв сознания и осознания, что мы можем ещё сопротивляться. Можем отстаивать свою самоидентичность. Что убили в себе рабов. Что баранами нас на заклание не потащить.

Мы верили, что агонизирует эпоха предательства и через рождение Новороссии возрождается Россия, как воплощение идеи социальной справедливости. Верили, что началось возрождение державы. Верили, что наконец-то жить будем по вере нашей и совести. Но даже смена декораций не произошла – сменились лишь статисты в драме с предрежённым финалом.

Тогда, в июле, августе, сентябре мы не хотели верить, что власть вернётся к криминальному олигархату, а комбриги и комбаты, ротные и взводные, ополченцы и наши добровольцы, искренние и светлые в своих помыслах, будут убиты или брошены в подвалы новой властью (новой ли?) лишь за то, что посмели осознать себя русскими!

Перекачиваются желваки на скулах и сжимаются кулаки в бессилии, но нас уже не сломить, мы уже познали свою силу, а враг познал силу русского духа.

И мы всё равно едем туда, веря, что нужны России. Нашей России...

Это книга не просто о событиях на Донбассе глазами русского человека, по доброй воле отправившегося туда с надеждой помочь остановить лопнувший нарыв украинского национализма, зловонный гной которого наплывал на Юго-Восток Украины. Уже задохнулись Одесса

и Николаев, Харьков и Днепропетровск, и осталось только отправить «москаляку на гиляку» в Донецкой и Луганской областях.

По большому счёту это книга о Марате Мусине, о работе фронтового информационного аналитического агентства «ANNA NEWS», о добровольцах, об ополченцах и их командирах, о разбуженном донбасской весной русском самосознании, испугавшем транснациональный олигархат, поспешивший расправиться с ним.

Отчаянное было время. Неожиданно много оказалось пассионариев – вытравливали способность к сопротивлению все годы безвременья, да не смогли. Так что это книга и о русском сопротивлении.

Часть первая

Тихая работа вежливых людей (Записки добровольца)

Пролог

Тот самый март. 90-й псалом

Мой Донбасс начинался с Крыма. Точнее, со звонка Марата, как всегда неожиданного и ожидаемого. И, как всегда, не вовремя. Я уже вовсю занимался «беркутовцами», решившими перебраться в Россию, хотя бы для начала найти им жильё, а тут заполошное:

– Серёга, надо! Срочно в Крым! Выезжай немедленно, я жду!

Во-первых, ещё не бархатный сезон, чтобы ехать на полуостров. Во-вторых, я никому ничего не должен, за исключением Сбербанка, в кредитные сети которого попал давно и прочно. В-третьих, вплотную занимался «беркутовцами» – надо было разместить их и некому было передать их. В-четвертых, мне на службе аукалась Сирия, и прекрасно понимал, что её мне не простят никогда. Просто затаились и ждут удобного предложения, чтобы вычистить белую ворону, посмевавшую летать куда душевнее пожелается. В-пятых, точно так же заполошно вопил он год назад, требуя лететь в Сирию. Тогда сдуру поддался, получил три пули и кучу проблем, но теперь-то ума хватит послать неугомонного куда подальше?

Послать не удалось – в трубке уже звучал сигнал отбоя. Всё, баста, поговорили. Ни здравствуй, ни прощай, ни приличествующих вопросов о здоровье, ни вообще могу ли куда-либо ехать или нет. Ни тебе объяснений, зачем и почему я должен незамедлительно быть в Крыму, лишь вопли мартовского кота на заборе. В этом весь Марат с его безапелляционностью и беспардонностью. Ему надо, и ты обязан. Всё. Точка. Хотя нет, не прав: Марат мог быть изысканно вежливым, но это уже признак выпадения из круга его близких.

То, что я чиновник и должен быть «в футляре», его не интересует. То, что мой шеф попадает в состояние фрустрации всякий раз, как только я исчезаю, ему до лампочки. То, что коллеги смотрят как на умалишенного и только и ждут момента, чтобы подставить подножку, ему наплевать. Всё-таки подставят, но чуть позже, на радость Марату. В сентябре пятнадцатого он будет радостно хлопать по плечу и орать, что теперь я с ними окончательно, а не разового использования. На «разового» я обиженно возразил, что штучного использования, на что тот легко согласился и тут же назвал моих коллег «упырьками». Здесь он не прав – нельзя так обо всех одним хохом. Всё-таки палитра, даже в природе, почти из дюжины цветов, а человек так вообще весь в оттенках. Но это будет позже, когда квалифка¹ в полном составе сначала с любопытством, потом недоумением, а напоследок с неприязнью будет взирать на этого умалишенного, заносимого то в Сирию, то на Донбасс, и дружно откажет в переназначении на должность с окончательным диагнозом: не наш. И правильно сделает, отпустив в свободный полёт: конечно не ваш, чужой, случайный, ворона белая и даже без оттенков. А пока звоню своим «отморозкам». Вообще-то они нормальные мужики, и даже больше. Бывшие чучковцы². Надежные, безрассудно отважные, нерациональные. Надеюсь, что включают мозги и плеснут на меня ушат холодной воды вперемежку с какой-нибудь лабудой-отмазкой, которая окажется веской для профессора-непоседы. Увы, они согласились сразу и с какой-то внутренней радостью. Застоялись кони, замаялись, простора захотелось. Жеребцы каурые. Небось адреналин фонтанирует, не навоевались на Кавказе и в Сирии, новенькой остроты подавай. Им прости-

¹ Квалификационная коллегия судей.

² 15-я бригада спецназа ГРУ.

тельно, они еще юные по сравнению со мною, но быть придурком в неполные шесть десятков – это всё-таки клиника. Но уже отступать поздно.

Итак, мы мчимся в Крым. Виталий за рулем, Димка дрыхнет сзади, я в зверском настроении то и дело ворчу, пытаюсь умерить шумахерский пыл водителя. А этот злыдень всё давит на газ, забыв про другие педали.

Как только пересекли границу, связались с Валерой Болотовым. Сопровождения не обещал, а вот номерами на машину поделился. Точнее, дал адресок, где нас обеспечат всем необходимым. Под Старобельском на «тойоту», по случаю «арендованную» в одной фирме (знал бы её шеф, куда движется его «ласточка»), на лобовое стекло прилепили «летучую мышь» и десантный флажок, навесили чёрные советские (!) номера Ворошиловградской области (!) – позаботились братья-славяне из местного отделения союза «афганцев» – и под Высоцкого, Ножкина и песни десантуры пошли «на прорыв». Накики у сваленных в кучу лысых покрышек, изображающих блокпосты, поначалу бросались под колеса, но тут же отворачивались, видя «мышь» и флажок. Хотя репертуар наших дисков явно не ласкал их изысканный слух, но они усиленно делали вид, что их либо поголовно поразила глухота, либо они фанаты этих песен.

Усиленные милицейские посты на въездах-выездах городков и городов хренели и замирали в ступоре от такой наглости. На выезде из Мелитополя дюжина местных блюстителей сбилась цыплячьей кучкой. Мысленно молю Господа оградить от них, но лучше бы вслух: тогда наверняка Всевышний услышал бы. От жмущихся и переминающихся с ноги на ногу милиционеров робко отделяется капитан и машет своей волшебной полосатой палочкой. Машина с визгом оседает на задние колёса прямо перед ним так, что едва не царапаем днищем багажника асфальт. Виталий напяливает на свою физиономию маску шпаны из подворотни. Оглядываюсь на Димку – рожа наглая и дерзкая до оторопи.

У гаишника зрачки в полтинник, слова жуёт и мычит, что они душой с нами, что эта майданная плесень им не в кайф, но вот номера на машине у нас не того... Виталий изрыгает нечто вроде «Чего не того?!» – и его исполованное шрамами лицо искажает свирепая гримаса. Капитан в полубоморочном состоянии виновато сообщает, что у них давно уже номера другие, но Виталий рявкает: «Ну так меняй!» Хам трамвайный, разве так с властью можно? Провезло, что временный паралич и разброд в мозгах, а то бы они заменили ему. На всякий случай прошу извинить нас и войти в положение: торопимся, потому и досадный прокол. Мысленно клянусь «афганцев»: дебилизм, подстава или оплошность? Гаишник говорит, что он все понимает, желает нам удачи и отпускает с Богом. Не хватало только, чтобы осенил крестным знаменем своей волшебной палочкой.

Потом был Крым. Иногда без света и с водой в бутылках. Нетопленная гостиница, но с персональным обогревателем. Растерянные, радушные, настороженные лица, но ни одного равнодушного. Воздух наэлектризован напряженным ожиданием чего-то – то ли линии разрыва, то ли узла сборки. День и ночь замешаны густо в единую субстанцию без границ, сон урывками, кусок хлеба на ходу и горячий чай как вожденное чудо. Джанкой – Белогорск – Армянск – Черноморское – Евпатория – Симферополь – Севастополь – Ялта – Феодосия – Джанкой. Адреналин, разогревающий кровь.

Работали с местными мужиками из самообороны. Задержана «тойота» с шантрапой, заряженной «баксами», – думали, что фальшивые, оказалось нового образца. Говорили, что таких даже в наших обменниках не было. Терлись в толпе, слушали, смотрели, запоминали, кого-то тихонько пеленали и передавали парням. Делали психологический и социальный срез закипающего протеста. Вот тогда мы впервые столкнулись с Кебкало. Но о нём еще впереди.

Обратно шли уже на нормальных украинских номерах, но с теми же песнями, «мышью» и флагом. За Луганском дорогу перед каким-то селом перегородили «гайдамаки». Наверное, самостийники мзду с проезжающих собирали, пугая своими небритыми рожами, или просто местная шпана. Один из них ткнул пальцем в лобовое стекло, показывая на «летучую мышь»:

«Эта шо?» Димка процедил сквозь зубы: «Зенки повылазили?! Мышь – служба экологии, б... Как стоишь?! Фамилия?! Адрес?! Отвечать, быстро, когда с тобой разговаривает сержант российского спецназа!!!» Последние слова неслись уже вслед удиравшим через поле «махновцам». «Малиновка, – пробурчал Виталя, засовывая монтировку обратно под сиденье. – Банда батьки пана атамана Гриця Таврического. Свадьбы не хватает...» Димка пророчески заметил, что свадьба еще впереди и, видно, кровавая. Никто из нас тогда не верил, что он окажется провидцем. Или не хотел верить. А ведь тогда всё могло бы быть иначе и встречали бы с цветами. Даже во Львове и на Воляни. Поманили сытостью и предали они веру предков, их память и славу, Отечество, собранное по крохам и сцементированное кровью отцов и дедов за печенки.

Мы предали веру в Россию, в её сакральную миссию сбережения и сохранения всего русского за то же самое. Вступили в эпоху великого предательства и только начинаем выбираться из неё. Господь не оставит нас.

Глава 1

В луганске солнечно, местами «Град»³...

Пролог. Москва, 30 мая 2014 года, вечер

Позвонил Марат, как всегда неожиданно и ожидаемо. Коротко бросил: «Приезжай. Срочно». Не объяснений, зачем и почему, просто «приезжай», и точка. Ехать не хотелось – за день набегался так, что ноги гудели от московского асфальта, к тому же раненную в Сирии руку скручивало ноющей болью. Но отказать ему – всё равно, что обидеть ребенка.

Через час был у него.

В летней беседке сидел Чиж⁴ и упрямо, тусклым, без оттенков голосом твердил, что все предшествующие и последующие события, связанные со штурмом аэропорта, – случайные совпадения. Был он высок и поджар, со свежим воспалённым шрамом на левой скуле. Он произносил слова, заглатывая окончания, отчего они казались круглыми, а потому неубедительными. Впрочем, было видно, что он сам не очень-то верит тому, что говорит, и всё же очень хотел в это верить.

Марат то ли рассуждал, то ли вопрошал сам у себя, пытаясь понять, зачем же всё-таки полезли в этот чёртов аэропорт. Он был уже в плену своих мыслей, еще не выстроившихся в систему, но близко бродивших вокруг. Нужен был импульс, толчок, что-то весомое, железобетонное, хотя, по большому счёту, самым веским аргументом для себя был он сам. Сам и никто иной! Ле та сә муа – государство – это я! Вроде бы сказал Людовик XVI, а будто бы Марат, причём сегодня, вечером, минуту назад.

Чиж по инерции упрямылся, ссылаясь на договор Ходаковского⁵ с кировоградцами⁶, обещавшими не стрелять, когда ополченцы будут занимать новый терминал. Но, судя по тону, и сам слабо верил в это. Вообще-то он обычно изъяснялся иначе, всегда отделял слова, словно рубил фразу топором – резко, из-за плеча, хлёстко, и именно эта манера излагать мысль делала её аргументом, нет, не аргументом, а фактом. Но на этот раз он слабо верил в то, что произносил. Или не верил совсем.

Марат повернулся ко мне, взглядом спрашивая, что я думаю. А что тут думать? У меня давно сложились все пазлы. Пока Чиж говорил, я рисовал кружки, квадраты и прямоугольники, соединяя их линиями, вычерчивая в схему, понятную только мне.

– В старые очень понятные времена с гарантированным счастьем мой приятель, замечательный опер из Горловки Вася Синица говаривал, что Донбасс – это криминальная помойка Союза. Союза давно нет, а помойка осталась.

Марат ломанул брови домиком, чувствуя какой-то подвох.

– Если у хохлов сознание хуторское, то у донецких – помоечное, – глубокомысленно изрёк я с видом знатока психологии.

Чиж ухмыльнулся, внутренне соглашаясь. Всё-таки опер Синица мог формулировать мысли ёмко и чётко.

Меня воодушевило его согласие, и я подытожил, что и так было очевидным. Стратегически и даже тактически занимать «стекляшку»⁷ – глупость несусветная. Это увидел бы даже

³ Название принадлежит М. Мусину.

⁴ Доброволец, москвич, в 2014–2015 гг. воевал в составе разведгруппы.

⁵ Ходаковский Александр Сергеевич, командир батальона «Восток», секретарь Совета безопасности, бывший полковник СБУ.

⁶ Бойцы 3-го полка СПиН из Кировограда, Украина.

⁷ Новое здание аэропорта г. Донецка.

сержант Советской армии, но целый полковник Ходаковский повёл воинство на штурм. Политически результат – полный провал. С коммерческой стороны – высший пилотаж.

Марат терпеть не мог, когда кто-то пытался мудрствовать, напуская тумана, и начинал злиться.

Я улыбнулся только уголками губ: достал-таки учёного конспиролога. Вот оно, плебейство, рвануло-таки наружу, в кайф поизгаляться над профессором.

– Слушай сюда, болезный. Во-первых, наших добровольцев сначала засвечивают на параде у Донецкой администрации. Помнишь кадры по «ящику»: КамАЗы и «Уралы» с синими бортами, мужики в разгрузках и камуфляже с автоматами? Случайно? Не думаю. Кому выгодно? Ни сегодня, ни завтра, а может быть, никогда мы не узнаем всей правды случившегося, и будут историки придумывать и обосновывать самые фантастические версии в угоду заказчикам еще лет сто, пока не угаснет интерес. Хотя для начала я бы спросил у Борода.

Во-вторых, в аэропорт направили опять-таки только наших добровольцев. Местных-ноль целых чуть десятых. Так, разбавили трохи, размазали маслице по сухарику. Тоже случайность? Не думаю. Не хрен было вообще соваться. Ну брось на взлётку с десятков блоков или высыпь КамАЗ щебня, и ни один самолёт не сядет. Даже просто загнать технику и расставить её по полосе достаточно – всё, полный атас. Так нет же, заводят группы в новый терминал, прозрачный насквозь, а в старом и диспетчерской уже спецназ и ЧВК. Получается классическая западня. Это очередная случайность? В-третьих – на всю группу всего один АГС и миномёт без мин. ПЗРК Скиф⁸ брать запретил: войны не будет, он договорился со спецназом. Это идиотизм или предательство? Недоумок в СБУ дослужился до полковника? Дас ист фантастиш!

Марат хитрил, допуская двойную игру Ходаковского, но хотел, чтобы я либо опроверг его подозрения, либо подтвердил их. Был предпоследний день мая, вечерело, земля дышала теплом, бились в лампочку майские жуки, и мне было плевать на всё происходящее за тысячу километров отсюда. Своим звонком Марат сокрушил все мои вечерние планы, и я не собирался ему этого прощать. Мне было всё равно, на кого работает бывший полковник СБУ (почему бывший?), да это и неважно. Для меня он чужой, для укров, может быть, иуда, но ведь кому-то и просто слуга. И жить ему дальше в страхе – уберут ведь хозяева, как пить дать помножат на ноль не сегодня, так завтра, но сколь верёвочке не виться, а совьётся-то в петлю. Я излагал только факты, Чиж молча слушал, изредка кивая головой, Марат порывался перебить, но пришлось бесцеремонно осадить. Во-первых, не на профессорской кафедре перед неучами-студентами, во-вторых, это его предки триста лет Русь гнобили, так что теперь пусть терпит мои логические изыски.

Щелчком выбив сигарету из пачки, я прикурил, затянулся и заколотил очередной гвоздь в свою стройную, как полагал, систему доказательств, выстроенную строго по законам криминалистики и формальной логики.

– В-четвертых, Ходаковский загоняет дезу и отдаёт команду прорываться из окружения, подставляя их под засаду «Востока». Но окружения ведь не было, а «Востоку» сказали, что это едут наики. Результат – почти две трети отряда погибло. Опять случайность? Кстати, Старый⁹ ослушался приказа, в КамАЗ грузиться не стал, а вывел своих людей через «зелёнку» и без потерь. Теперь он переходит в категорию неудобных свидетелей, подлежащих «зачистке». Я забирал Юрку Абросимова из Ростова – их там трое было, раненые, никому не нужные, чудом выбравшиеся. Так вот, похоронка пришла его матери, когда он ещё не перешёл «ленту». Туда не перешёл, понимаешь, туда! Тоже случайность?

– И, наконец, в-пятых. Помнишь, как Бородай приволок западных и украинских журналистов в донецкий морг, где были свалены в кучу погибшие? Даже на бойне свиней не валят в

⁸ Позывной А.С. Ходаковского.

⁹ Каргапольцев А.И., командир группы добровольцев подразделения «Искра», потом воевал в подразделении И.Н. Безлера.

одну кучу, а тут откровенное пренебрежение к нашим ребятам. Глупость или видеоотчёт перед кем-то, пока нам неведомому. А ведь он взхлёб твердил, даже с каким-то упоением, что все убитые – добровольцы из России. Гнусность. И сразу же вой в западных и украинских СМИ – Россия напала на ридну нэньку! И последнее, коммерческое, как говорится, ничего личного, только бизнес. Аэропорт застрахован, но не используется, убытки зашкаливают, и Ахметову крайне выгодно его разрушение. Ходаковский – человек Ахметова, кровью повязаны по прежним делишкам. Получается, страховочку он принёс хозяину на блюдечке.

Я докурил, раздавил окурок в пепельнице, выцедил сквозь зубы виски – какое отвратительное пойло, и вновь потянулся к сигаретам. Марат пожимает плечами: он сомневается, он хочет верить, он надеется, но то, что Донбасс начинался с предательства, а потому отхаркиваться кровью придётся нам, и долго-долго, было понятно. И то, что наших добровольцев засветили за пару недель на параде, и то, что подставили их в аэропорту, и то, что еще раз демонстративно показали их трупы – мол, это ждёт каждого, сунувшегося на Донбасс с идеями Русской весны, было неспроста. Ясно показывали место России в начавшейся криминальной сваре по переделу награбленного Януковичем. Какая, к чёрту, русская идея, какие-то добровольцы, какое-то славянское братство, какое православие, когда такой шанс урвать кусок побольше и полакомее. Мотивированных надо было задавить в зародыше, и началось исполнение. Это было только начало предательства, только первое звено, но никто не думал, что ситуация выйдет из-под контроля.

Может, я не прав. Может, Ходаковский нормальный мужик и его использовали, как пацана, в тёмную. Может, специально подставили. И ещё тысячу «может», да только что это меняет? Я советую ему не лезть сюда, ведь мы многого не знаем, и, чтобы построить силлогизм, необходимы верные посылки. А так все наши умствования напоминают кухонные посиделки пикейных жилетов.

Но Марат хватался за соломинку, твердя, что Бородай – наш человек. Что он со Стрелковым ещё в Приднестровье был, а теперь тот держит Славянск. Что в Горловке Бес наводит страх на нациков. Что в Луганске мужики тоже взялись всерьёз и вряд ли отступят. Но в его голосе уже не было былой уверенности.

Он рассуждает, что Ходаковский – это козырная карта, её скидывать не будут. Даже если не ферзь, то и не пешка проходная. Это связь, это каналы наверх, его беречь надо, во всяком случае, пока. Ваш – не ваш, был – не был, какая разница, с кем он был, где и под кем. Он не сам по себе, он работает на систему. Какую? А вот это задача неразрешимая со многими неизвестными. Пока он просто инструмент. Впрочем, может, и не на систему работает, а на структуру, но это уже другое. Иной пласт, иной уровень.

Я ему говорю, что мне не хочется знать, кто есть кто, тем более это всё пустышка. Ходаковский при любом раскладе – жертва, и сам понимает, что все стрелки перевели на него. Бородай и такие, как он, приехали и уехали – транзитники, какой с них спрос, а Ходаковскому там жить. Он местный. Вляпался мужик, ничего не поделаешь, вляпался. И мне его было искренне жаль. Но и три месяца, и год спустя выжившие в той передрыге Старый, Орёл и Ара будут упрямо твердить, что тогда Ходаковский подставил их. Они имели право на это – они были там. Но именно поэтому я взял под сомнение сказанное ими: лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии.

Все замолчали, спорить никому не хотелось.

Телефонный зуммер бесцеремонно ворвался в вечер. Марат взял трубку, долго слушал, темнея лицом. Отложив мобильник, несколько минут смотрел в небо с разбросанными небрежно звёздами, потом произнёс, что вчера эсбэушники взяли Ольгу¹⁰. Прямо на границе,

¹⁰ Кулыгина Ольга Ивановна, кандидат наук, конспиролог, в то время сотрудник «ANNA NEWS».

она даже отъехать не успела. Ольгу жалко, но её арест – это ещё один кирпичик в выстроенный мною дом.

Чиж задумался. На его лице попеременно отражались то надежда, то сомнения. Может, поспешили наши? Может, надо было подождать, пока сами попросят матушку Русь помочь? Ну что ему возразить? Да и что теперь сетовать, коли драка началась. Нет, дорогие мои, отступить нельзя. Я хоть и против категорически такого заплыва, но нырять надо сейчас. Криминал – это структура, это организация, это своя субкультура, это свои отношения, своё мироощущение. Сейчас власть на Донбассе вроде есть, а вроде и нет. Так, шалтай-болтай. Но уж если братки подхватят её, то забрать обратно никто не сможет. Будут договариваться, будут упрашивать их поделиться, а они станут кочевряжиться, диктовать свои условия.

Марат пытается робко возразить, что, мол, найдутся лидеры сопротивления, но я упрямо гнул своё. Ну, попробуй назвать ещё кого-нибудь, кто так организован и структурирован, кроме криминала. А все эти орудия эмэмэмщики и затейники – балаган и детский сад, причём страдающие слабоумием. Они пешки, их будут двигать на доске, как захотят игроки, разменивать, убирать, жертвовать. Харьков показал, что игроки никудышные и партия уйдёт в глубокий миттельшпиль. Для Чижа слово «миттельшпиль» незнакомое и почти ругательное, и он шалашиком изогнул левую бровь, переспрашивая, куда отправится партия.

– По-твоему, на Донбасс не придут «вежливые люди»? – снисходительная усмешка растягивала в нитку профессорские губы. – Ты ошибаешься, старик, нам нельзя отдавать Донбасс, иначе народ не простит. Это его последний козырь, и он эффектно бросает его на стол. Он просто хочет верить, что русские своих не бросают.

Наивный. Бросают и еще как бросают, а потом ещё и в пыль растирают каблуком. Напоминаю ему слова лидера одной из партий, который сказал, что если прольётся хоть капля русской крови на Донбассе, то он наденет свой десантный берет и свой десантный тельник, возьмёт в руки автомат и пойдёт воевать за русский народ. Не пошёл. Наверное, беретик свой десантный и тельник так и не нашёл.

И вообще я не знаю, что будет дальше, но знаю одно: линия фронта пройдёт по Донбассу и наше место там. Ни я, ни Марат, ни Чиж не хотят, чтобы наши дети расплачивались за предательство, хотя нет, пусть будет за ошибки их отцов, за то, что не сделаем сегодня мы. Всё-таки мы лучше сыграем на любой «волыне»¹¹, не правда ли? Мы были «вежливыми» в Крыму, так кто мешает нам быть ими на Донбассе?

Кстати, вот и тост неожиданно созрел: за наш маленький оркестрик! Жаль, что кроме меня ни Марат, ни Чиж бокал не поднимут – не в цвет нынче. Одному еще дел непроворот, ребус разгадывать, другому в Рузу ехать за рулём своей раздолбанной «шестёрки».

¹¹ «Волына» (сленг) – автомат, СВД и др. стрелковое оружие.

Глава 2

Июль, 2014. Очень вежливые люди

Сумерки по-кошачьи сторожко скрадывали остатки дня, сиреневой печалью накрывая территорию, очерченную бетонным забором. В глубине двора за густыми зарослями скрывался от постороннего глаза приземистый двухэтажный корпус. Цикады рвали на части благодатную тишину, накрывшую эту часть города. Настоянный за день июльской жарой густой аромат цветов делал воздух вязким.

В стоявшие впритирку несколько легковушек и «бусик» мужики, одетые кто во что горазд с преобладанием камуфляжа, сноровисто загружали ящики и сумки с продуктами, медикаментами и всяким барахлом, которое может пригодиться там, за «лентой»¹². Для кого-то из них это была первая война, для кого-то станет последней.

Нам предстояло уходить за «ленту», а я их почти не знал. Не знал, кто на что способен, кого можно пускать за спину, а кого не стоит. Не знал, что их привело сюда. Или кто. Эх, опять Марат торопится, нельзя так, без проверки. Свалился как снег на голову: через двое суток уходим, нужна группа сопровождения. Едва успел отпуск оформить, а вот ребят своих взять не смог: не получилось. Придётся с этими идти, а это мне совсем не в кайф. Да и выглядят шаромыжникам, и хоть сейчас посылай к церкви милостыню просить. Интересно, а у них хоть у всех есть рюкзаки, вещмешки, «разгрузки» и берцы? Хотя откуда – и так понятно, что не у всех, да и вопрос, в общем-то, риторический: от силы минут через десять их здесь всё равно не будет, и уже никто не сможет надеть их рюкзаками или вещмешками, берцами или кроссовками, «разгрузками» или камуфляжем, тем более магазины давно уже закрылись, да и ни на чьём довольствии они не состояли. Про противоосколочные очки, тактические перчатки, наколенники-налокотники вообще спрашивать бессмысленно – едва ли их в глаза видели. В кино разве что или в компьютерных стрелялках. Конечно, я был несправедлив к ним, и всё из-за того, что вся моя внутренняя сущность противилась этой поездке.

Вообще-то мой вопрос о рюкзаках и берцах был психологическим тестом: начнут ныть, что того нет или другого, значит, отметить надо сразу, иначе потом мороки не оберёшься. А промолчат – значит, главная идея, главное – задачу выполнить, а в берцах или босиком – это уже десятое.

Мужики переглянулись, но промолчали, лишь Ара¹³ распахнул было рот, но тут же закрыл его и обиженно засопел, получив тычок в бочину и нелестную оценку из уст Пуха¹⁴, что он недоношенный и что его место на рынке персиками торговать, и литым плечом плавно переместил его к «бусику», с которого он вытер пыль своей спиной.

Мишка¹⁵ не преминул съёрничать, что, мол, ни хрена себе недоношенный! Пудов на пять кабанчик, а то и поболе.

Он не оставлял Ару в покое ни днём ни ночью своими шуточками и подколками, но не все понимали, что Мишка просто души не чаял в этом большом ребёнке. Ара же демонстрировал просто неприличное эстонское хладнокровие, так не характерное для горячей армянской крови: ну что с этого контуженного взять?

¹² «Лента» (сленг) – граница.

¹³ А.Д. Гаспарян, позывной «Маэстро», доброволец из Армении, штурмовал 26.05.2014 г. Донецкий аэропорт, затем воевал в подразделении И.Н. Безлера.

¹⁴ Бывший СОБРовец, белгородец Юрий Николаевич Кайдалов. Погиб в марте 2016 г.

¹⁵ Харьковчанин, воевал в ЛНР и ДНР. Судьба неизвестна.

Ара и Мишка пересеклись еще в донецком аэропорту: Ара заходил с группой Гранита¹⁶, Мишка – со Старым, но выбирались уже вместе на КамАЗах, и, когда их в упор расстреляли «востоковцы», Ара, собрав в горсть своей лапищи разгрузку на спине Мишки, тащил его, ошалевшего от взрыва гранаты, хотя у самого плетью висела сломанная левая рука и боль сводила зубы. Потом они уже вместе выбирались сначала из города, а потом пробирались к Бесу в Горловку. С тех пор они держались вместе, такие разные и такие одинаковые в своей искренней одержимости бить бандеровцев, стрелять, резать, рвать их зубами.

– Диффузия душ на молекулярном уровне, – заключил я, насмотревшись на них за двое суток.

Я представил Ару в «аэродроме»¹⁷ на голове, с недельной щетиной на круглых щеках, обильной порослью, курчавившейся из распахнутого ворота тенниски, азартно размахивающего руками за базарным прилавком с персиками горькой, и улыбнулся нелепости сказанного Пухом: ну какой из Ары торгош? Вот пулемётчик – это да, это от Бога, виртуозно работает хоть с ПКМ, хоть с РПК¹⁸. Вот звездануть, что плохо лежит – это, пожалуй, да, сможет, а торговать – нет, не его. Башибузук какой-то, хоть и армянских кровей.

В общем-то, Ара имел право напомнить о себе: пока был в донецком аэропорту, кто-то успел распотрошить его эрдэ¹⁹, оставившийся в казарме, да и не только его. Теперь на нём лишь наспех зашитая на плече камуфляжная куртка, футболка да потрёпанные джинсы. Пух извиняюще и миролюбиво утешил, что либо военторг поможет, либо укры поделятся, но зипуном он себе непременно на зиму разживётся.

Пух с моей молчаливой подачи слегка натягивал вожжи: не детский сад, сопли вытирать некому, раз впряглись, то тянуть придётся воз молча.

Я заприметил его ещё у казаков за двое суток до отъезда. Несуетливый, но ловкий в движениях качок с короткой, почти под ноль, стрижкой быстро отсек любопытные расспросы и вообще выделялся какой-то внутренней надёжностью. Он тогда представился коротко: «Пух», крепко тиская руку и улыбаясь по-детски доброй и стеснительной улыбкой, и пояснил, что отца по подворью Пушком звали, вот он и решил, что раз батя Пушок, то тогда он непременно Пух. На его физиономии расплывалась широченная улыбка от уха до уха, и в порыве чувств он так крепко зажал в своей клешне мою руку, что ещё мгновение, и пальцы ни в коем случае никогда не разжать, и превратятся они в безжизненную ласту.

Отправляясь на войну, всегда служили молебн о даровании победы в сражении, о сохранении жизни на поле брани, об избавлении от плена. Так уж заведено было предками нашими, да только в советские годы тайком всё было: зашивала мать в нагрудный потайной карманчик «Живый в помощи», прятали нательный крестик от глаз сторонних, а в особенности от замполитовских. Но у того тоже была мама, и он тоже тайком носил чёрную ленту с золотой вязью – девяностый псалом, оберегавший его пуще партбилета от смерти лютой.

С Чечни, пожалуй, повелось преклонить колени пред образами в канун отъезда. И потянулись в храм уезжавшие на Кавказ, и замелькали кропила батюшек на перронах вокзалов да на воинских плацах, и отпевали тоже по православному обряду прежде прощального залпа.

Хотя нет, для кого-то уже с Карабаха начиналось: робко вспомнили о корнях своих, о вере вытраваемой, да так и не вытравленной. Потом всё чаще и чаще к Богу обращались: и в Приднестровье отправляясь, и в Абхазию, и в октябре девяносто третьего, когда алчность и предательство распинали совесть России, и когда корчилась, раздираемая, Югославия, а когда опалил Кавказ, то мощно пошли в храмы не по велению сверху, а по потребности духовной.

¹⁶ Дорофеев С.В., командир группы из подразделения российских добровольцев «Искра» 1-й интербригады Юго-Востока.

¹⁷ «Аэродром» – кепка больших размеров на кавказский манер.

¹⁸ ПКМ – пулемёт Калашникова модернизированный, РПК – ручной пулемет Калашникова.

¹⁹ РД – рюкзак десантный.

Молебен перед отъездом – это традиция, а традиция – это уже свято. Крупный телом, с измотанным усталостью лицом мужчина, слегка наклонив по-птичьи на плечо голову и кося на меня карим глазом, негромко произнёс, что надо бы молебен отслужить.

Это Володя Российский, из казаков, традиции блюдёт и взыскивает строго, если кто-то пытается отступить. Фамилия редкая, если не сказать штучная и странная, и я поначалу решил, что это прозвище, но оказалось, что самая что ни на есть настоящая, в паспорте прописанная и духу её носителя соответствующая.

Но тут не он старший, хотя казаки его слушаются. Здесь старший я, и пока вроде бы беспрекословно выполняется всё, что скажу. И всё же они несколько в недоумении. Гадают, кто же всё-таки главный: может, вон тот, невысокий и лысый с острым взглядом, который изредка что-то нашептывает мне на ухо, куда-то звонит и опять тихо говорит так, что слышу только я. Но есть ещё Марат, суетится и тоже отдаёт распоряжения. Да, сам чёрт ногу сломит, кто есть кто и почему, но молебен всё же должен быть.

Нет, ребята, не здесь и не сейчас. Надо по-тихому сняться и уйти, и так столько глаз сейчас лица наши щупают, а уши чуть ли не из каждого куста торчат. А от традиции не отступим – по пути в какой-нибудь старой церквушке с сельским батюшкой пусть служба пройдёт. И душевней будет, и суеты меньше. Во всяком случае мне так кажется.

Мой тон, наверное, со стороны выглядел слишком назидательным, от которого коробит, но это последнее «мне так кажется» – словно гвоздь, заколоченный в дубовую тесину.

Российский неопределенно пожал плечами, то ли соглашаясь, то ли возражая, и отвернулся. Материт мысленно: это же надо так бесцеремонно ломать традиции только лишь потому, что кому-то что-то кажется. И по какому праву кто-то решает за всех. Конечно, я ему явно не глянулся, но с лица, как говорится, воду не пить, в разведку не идти, а потому пусть молятся, где хотят. Может, и вправду в сельской церквушке до Бога ближе?

Кто-то видел меня всего второй раз, кто-то впервые, но то, что именно я ставил задачу, что меня знает сам Марат и не просто знает, а слушает и соглашается, да и этот неприметный лысый не отходит от меня ни на шаг, снимало все вопросы. Хотя они долго еще приглядывались, прислушивались, оценивали – всё-таки непонятен был я для них, кто такой и откуда. Но смирились.

Молебен отслужили в сельской церкви – росошанские казаки поспособствовали. А всё благодаря Пуху – он и там был свой в доску. Приехали они в форме с неизменными орденами и медалями – никак за пятую мировую, шумные и весёлые, что-то суетливо говорили, совсем не слушая и перебивая друг друга, совали в машину шмат сала и пару бутылок самогона, убеждая, что именно без этого на войне ну никак нельзя. Это точно: казаку без обоза и маркитанток война не в дышло, баловство одно.

Прихожан не было, да и хорошо: к чему им любопытствующие взгляды? Молились каждый о своем, молча, в себе, за близких, оставляемых здесь, чтобы гримаса боли от потери не исказила их лица, и, конечно же, о возвращении всех и каждого, прося Господа уберечь. А ещё молили о спасении России.

Батюшка, осеняя крестом, произнёс напоследок, что мы ангелы. Ангелы – хранители России, воинство православное и что Пресвятая Богородица нас не оставит.

Мне подумалось: а ведь действительно воинство православное, коль не за деньги, а по зову души кров родной покинули. Разные по языку и крови, лицами разные, по цвету глаз разные, годами и жизнью прожитой разные, а вот сподобилось быть вместе, потому как всё-таки едины в обнаженной способности боль чужую чувствовать, сострадать, противиться злу.

– Матерь Божья, Пресвятая Дева, спаси и сохрани сынов своих, поднявшихся за честь и славу России... – возносилась к образам молитва сельского батюшки, и верилось, что вернёмся все, живыми вернёмся, не замарав чести русского воина. – Дай им унять бесовщину киевскую, образумить заблудших...

Сколько лет прошло? А ведь поболее двух десятков, когда вот так же провожала меня мама за околицу, где томился старенький «луноход» – так ребята прозвали давно списанный и чудом двигавшийся автобус, – крестила и что-то шептала. Молилась чуть слышно, едва губами шевеля: так скорее Господь услышит, потому как с ним в крик разговаривать нельзя, таинство всё-таки. Зато потом даже сквозь незлобное урчание мотора услышал напутствие:

– Ты, сынок, помни, в роду нашем трусов и подлецов не было. Коли суждено, так умри с честью, а с позором домой не пушу. Не след нам перед людьми глаза долу опускать.

Да, время пролетело, а как будто вчера. Не погас огонь разрушения державы нашей, тлел всё, курился дымок, а потом полыхнул и подступил прямо к нашему порогу. Но уж лучше нам гасить его, чем оставлять пожарище детям нашим.

Хоть невеселые мысли, да горевать рано. Печаль и уныние – грех души, а мы русские, смерть принимаем смиренно, хотя жизнь любим истово, с размахом... О чём это? Ах, да, о мыслях. Ну что ж, думки думками, а ехать надо.

Уже когда сели в машину, суетливо поспешил из храма батюшка, держа в руках иконку с ликом святого архистратига Михаила и едва слышно шепча:

– ...Святой архистратиге Божий Михаиле, огради нас от всякого зла и от бед избави нас... К тебе прибегаем с верою и тебе молимся с любовию, буди щит несокрушим и забрало твердо Святой Церкви и православному отечеству нашему, ограждая их молниеносным мечом твоим от всех враг видимых и невидимых... Буди вождь и соратай непобедим христолюбивому воинству нашему, венчая его славою и победами над супостаты, да познают вси противляющиеся нам, яко с нами Бог и святии ангели Его. Не остави же, о Архангеле Божий, помощь и заступлением твоим и нас...

Батюшка стоял перед распахнутой дверцей в закатных сумерках, простоволосый, в стоптанных ботинках с оббитыми носами, и в глазах его было столько истовой веры, столько силы, что поверили: обережёт их его молитва, обережёт...

– Возьмите с собою заступника, оборонит вас в трудную минуту. Он крепость духа и мужество даст, а врагов сил лишит. Ну, езжайте, с Богом, – и мелко-мелко перекрестил несколько раз.

Выкурить по сигарете перед отъездом – тоже если и не традиция, то уж точно давняя привычка. На этот раз курить подле храма не стали – как-то, не сговариваясь, решили, что осквернять дымом даже ограду нельзя. А курить хотелось, ой, как хотелось! Накуриться бы, да так, чтобы горло продрало, чтобы горечи этой хватило до самого возвращения, а уж там от души, неспешно, с наслаждением...

Гоша²⁰ не выдерживает первым и просит остановиться.

«Бусик» тупым носом ткнулся в пыльную траву обочины, из распахнутой двери в загустевшую темень ночи высыпали крепкие и не очень, высокие и не очень, молодые и не очень мужики и, гоня по кругу зажигалку, с наслаждением затянулись сигаретным дымом.

²⁰ Игорь Михайлович Чугреев, белгородец, бывший собровец, ветеран чеченской войны.

Глава 3

Июль, 2014. «Лента»

Российский Донецк встретил непривычно зябким утренником. Росная трава сразу же вымочила берцы, холодок нырнул за ворот, скользнул между лопаток, заставив поёжиться и пожалеть о спрятанном на дне рюкзака тельнике. Конечно, доставать лень, поэтому к поклаже даже не потянулся, обошёлся маханием руками и приседанием, заодно разминаясь от долгого сидения.

На востоке небо прорезалось сначала узким лезвием золотисто-красного цвета, какой бывает только в рассветную пору, затем разрослось в широкую полосу, стремительно теряющую яркость, быстро уступившую торопко выползающему из-за горизонта ярко-желтому диску.

– Яешенка, – протянул Пух и смачно сглотнул. – Ну, точно глазунья. Сейчас бы сковородочку со шкварчающим салыцем, а сверху залить парочкой-троечкой яиц да лучком зелёным присыпать...

Гоша просит не травить душу, слушая свой басовито урчащий живот, понимая, что не то что обед, но даже жиденький чаёк ему в ближайшее время абсолютно не светит. Пух ёрничает и тычет пальцем в Гошин живот, говоря, что теперь знает, где находится его душа. Гоша не успевает ответить: я показываю в сторону дороги и говорю, что в магазинчике можно чайку попить, и они рысцой устремляются в указанном направлении.

Сбившись у «буса», выкурили ещё по сигарете, зябко подергивая плечами от забирающегося за ворот утреннего холодка, перебрались ничего не значащими фразами – так, лишь бы не молчать.

Батюшка со служкой появились из сумерек как-то неожиданно. Были они почти одного роста, но шли по-разному, каждый по-своему: батюшка степенно, неторопко, твёрдо ставя ногу и глядя прямо перед собою, словно не замечая ничего вокруг. Служка семенил следом, приотстав на пару шагов и воткнувшись взглядом в светлеющую в траве тропу.

Поравнявшись с приехавшими, батюшка лишь на мгновение зацепил нас взглядом и кивнул, здороваясь. Он уже привык, что время от времени у храма появляются в рассветных сумерках машины с российскими номерами, доставляя немногословных мужиков, почтительно обнажающих головы при его виде, иногда заходящих в храм, молча ставящих свечи и исчезающих. Навсегда ли, нет ли, он сказать не мог – не запоминал их лиц, а тем более не знакомился. Да и как их всех запомнишь, коли все одеты одинаково в камуфляж и, как минимум, с суточной небритостью на одинаково размытых сумерками лицах. И не спрашивал он никогда, почему они здесь и куда направляются – и так понятно, что туда, за «ленту».

Он и служка прошли к храму, не обращая внимания на собравшихся у ограды, открыли запертые на большой навесной замок тяжелые кованые двери и скрылись за ними.

Курить больше не хотелось – с утра да натошак удовольствие не шибко радостное, до тошноты драло горло и сглатывалась с трудом слюна, потому сначала я, а следом и остальные потянулись в храм – проводника всё не было, и грех было не побыть наедине со своими мыслями. Вот так бывает у нас, православных в крещении: вроде бы и к Богу тянемся, да всё как-то путано, всё тропу ищем, ногой шарим, а нет бы открыть глаза и увидеть, что давно на ней стоим, только шаг сделай.

Тусклый свет едва освещал тёмные лики образов, в углах таился сгусток мрака, под сводом бродили тени и едва слышно потрескивали зажжённые служкой свечи. Кто-то любопыт-

ствовал, вглядываясь в лики икон, кто-то крестился, а Седой²¹, достав из-за пазухи привезенную с собою свечу, зажгёт её и поставил в ряду других, перекрестившись и что-то прошептал.

Наверное, не случайно Господь сподобил нас в этот предрассветный час ещё раз задуматься о бренности, о смысле и необходимости бросить уже устоявшуюся, размеренную жизнь, пусть и не очень сытную, не очень обеспеченную, но гарантированную и в какой-то мере прогнозируемую, и вообще обменять жизнь – жизнь! – на смерть вдали от дома и близких.

Из уже размытых рассветных сумерек вынырнул Марат, как всегда шумный, что-то быстро и непонятно говорящий, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно.

Останавливаю этот фонтан красноречия, говорю, что очень не хотелось бы объясняться с местной милицией, и спрашиваю, долго ли торчать здесь занозой.

– «Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», – отчаянно фальшивя, пропел Марат и рассмеялся, приобнимая меня за плечи. – И вообще, откуда у парня испанская грусть, то есть донбасская? Ну чего тебе дома-то не сиделось?

Сиделось, и ещё как сиделось без тяги к перемене мест. А что ему ответить? Вскинув голову, продекламировать, что мы сурового времени дети? Так оно не такое уж суровое. Просто это эпоха великого предательства, в которую нам не повезло жить. Но даже если скажу это, то получится выпендрено и фальшиво. Просто послать куда подальше этого профессора с его весёлостью, но нельзя ронять его авторитет. Отмолчаться? Вроде неловко как-то, и я тупо говорю, что хочу жрать, аж кишки заворачиваются. Мне совсем не до веселья – банально хочется есть. И все хотят. Вот так, просто, прозаически, без всяких там хиханьки и хаханьки. Лучше бы объяснил людям, почему мы здесь торчим уже полночи, а никого нет? Почему за нами никто не пришел? Когда пойдем через «ленту»?

Марат обещает, что с минуты на минуту всё разрешится, что вот-вот появится проводник, но верится с трудом. Так и оказалось: минуты затянулись часа на полтора. Проводник появился ближе к шести, когда солнце уже слизало хрустальные слезинки росы и мазнуло алым по маковке купола. Конечно, не пришел, а приехал на неизменном стареньком «жигулёнке», раздолбанном донельзя, но ещё чудом перемещающимся. Это был всё-тот же Игорь, ангел хранитель «ленты», давний знакомый, с пофигистским выражением лица, всё в той же знакомой до каждой штопки, застиранной, линялой футболке.

Мы обнялись не по уже сложившейся привычке обниматься и целоваться – я вообще не одобрял все эти обнимашки и показные нежности, не мужские они какие-то, а потому, что были искренне рады вновь встретиться. Этот крепкий обхват плеч был как бы подтверждением того, что время не развело нас, что мы по-прежнему вместе, и это порой даже большая ценность, нежели сама жизнь.

Вообще-то Игорь при Советах работал на шахте, портрет его даже висел на Доске Почёта, но потом шахту закрыли, жена, оставив дочь на лоха-мужа, растворилась на просторах незалежной в поисках счастья, а он подался в малый бизнес.

– Понимаешь, малый, очень малый. Так, трохи сэбэ, трохи дармоедам на переходе. Всё по-доброму, всем же жить треба. Сначала мануфактуру таскал, сигареты и ликёрку, а когда укры танки под Изварино двинули – пришлось трохи повоевать. У нас в роду героев сроду не было – всё больше уголёк в забое рубили, а как на свет божий вылезут, так сразу в кабак водку хлестать. А вот припёрло и сам себе не нарадуюсь. Я же самолично танк стреножил. Он только на курган заполз и ну давай садить из пушки и пулемёта, а я сбоку с «граница»²² и достал его. Сам не пойму, как сподобилось: в полусотне шагов чудище ревёт и огонь изрыгает,

²¹ Ю.Ф. Быков, доброволец из Луганской области, за участие в операциях награждён Георгиевским крестом. Погиб в апреле 2018 г.

²² Ручной противотанковый гранатомёт РПГ-7.

грохот, ничего не соображаю, сбоку меня ополченец лежит – голову осколком начисто срезало, кровяща хлещет, а рядом «граник». Не помню уж, как схватил его, со страху на что-то нажал, глаза зажмурил и мордой в землю. А она, земелька-то наша, солнцем да ветрами высушенная, полынью пахнет, горько так и пыльно, аж горло забило. Лежу, а мысль сверлит: сейчас накроет взрывом или размочалит гусеницами, а как же моя дочечка? С кем останется? Господи, спаси и сохрани, Господи, спаси и сохрани... Глаза открываю, а танк горит, понимаешь! Люк откинулся, из него танкист лезет, факелом пылает и орёт заполошно. Ну, я его с «калаша»²³ и срезал. В горячке всё и со страха. Он мне до сих пор снится. А кто его звал? Может, он по моему дому стрелял, а там дочечка моя. Дня три и повоевал всего, но хватило на всю оставшуюся.

Игорь не курит и не пьёт – надо дочку на ноги ставить, не до баловства. На «ленте» он свой – по-крупному не разворачивается, не чета бывшим поделщикам, таскает мелкий «контрабас», деля маржу с пограничниками и таможенниками, а те берут с него по совести, самую малость, потому как уважают за неалчность. А ещё за то, что бескорыстно переводит туда и обратно добровольцев.

Игорь окинул оценивающе наш замерший в ожидании табор, качнул головой и резюмировал, что многовато нас нынче. Не иначе, как серьёзные дела намечаются.

Конечно, приходилось ему водить и поболее, но всё чаще небольшими группами, а то и вовсе одиночек. Он никогда не спрашивал, кто они и куда направляются, никогда не старался запомнить их лиц – не хотел ими перегружать память. Время стрёмное, незнамо ещё, как всё обернётся, а то вдруг начнут допытываться, кого и куда переводил. А так «отмазка» – не помню, не знаю, я не я и хата не моя. Хотя всё равно не поверят.

Через полчаса он вывел нас на «точку». На пяточке, тесным густыми, давно не знавшими пилы и топора, лесополосами стоял песочного цвета «Урал» ополченцев, на подножке которого сидел, прикрыв глаза, парень, давно не бритый, в застиранных и вылинявших добела камуфляжных штанах и такой же вылинявшей футболке. Из прорехи изношенных кроссовок торчали грязные пальцы. На бедре, в перехваченной липучкой открытой кобуре, покоился «макаров»²⁴ с прикрепленным к рукоятке ремешком. Он не разомкнул век и даже не пошевелился, когда высыпавшие из подъехавших машин мужики, сбившись в стайку поодаль, с любопытством рассматривали его.

– Ну чё, пятиалтынный побачили, чи шо? – красные от недосыпания глаза, глухой с хрипотцой голос, мелькнувшая на лице досада говорил о запредельной усталости этого парня. – Давай, хлопцы, тащите свои коробки, да пошустрее.

Сначала перегрузили в «Урал» привезенные медикаменты и продукты, запрессовали от души, но как ни старались, места для группы всё равно не осталось. Ждать, пока разгрузятся и вернутся за нами – себе дороже, потому через «ленту» до посёлка отправились пешком, благо рукой подать. А Игорь долго ещё стоял на краю иссушенной посадки с пожухлой и какой-то серой листвой, провожая нас взглядом.

«Ярославна, да и только, лишь плача не хватает. – Я обернулся и махнул рукой, прощаясь. – О чём ты думаешь, дружище? О том, что не может оставаться безучастной русская душа, что настало время очищения и снятия с неё окарины? Что встать бы всем миром, да только опасно это людское единство, раз не вытравлен дух русский годами безвременья».

Впрочем, я был неправ: ни о чём таком Игорь вовсе не думал и вообще далёк был от всякой патетики. Он просто жалел, что не может вот так бросить всё и уйти с нами. Что надо успеть подправить покосившиеся ворота, что не полоты грядки и давно пора заменить сальники – маслом весь капот забросало. Думал о том, что вот ушли эти незнакомые мужики, не

²³ Автомат Калашникова.

²⁴ 9-мм пистолет Макарова.

ведая, вернутся ли. Ушли как на работу, как он когда-то уходил со сменой в забой – каждый день риск давно притупил все страхи. Он вздохнул и побрёл к своей «девятке».

Я нагнулся, зачерпнул в горсть комочки высушенной рыжевато-серой земли, размял их в пальцах.

Марат в любопытстве скосил карий глаз и поинтересовался тоном доктора-психиатра, чего это я земельку лапаю. Глинистая земля рассыпалась в пальцах, но даже в таком виде ощущалась её пластичность.

– Сухая совсем, а если намочить, то лепи, что хочешь: хоть кувшин, хоть кирпич. А потом из них дом сложить можно и жить. Это если водой размочить, а если кровью? Кирпич формовать можно, и посуду сделать, а вот как жить в таком доме? Как из такой миски есть, если на крови человеческой глина была замешана?

Марат пожимает плечами: к чему эта философия?

– Да так, нашло что-то. Это земля российская, а вот эта, – я делаю шаг, – украинская. А всё одна земля, наша, русская, только люди границы понаделали вроде бы для того, чтобы жизнь упорядочить, а оказалось, по живому рвали и больше вреда наделали, чем пользы. Вот и получается, что теперь мы крадёмся на свою землю по своей земле и ...

– Всё так, да только давай-ка без философии, – прерывает Марат. Он демонстративно засунул руки в карманы брюк и зашагал, догоняя группу.

Глава 4

«Рексы»

Группа Камы²⁵ ушла на сутки раньше и должна была обеспечить переброс через «ленту» остальных, но что-то пошло не так. В общем, как всегда: обычный сбой, кто-то не вышел на связь, не пришёл или вообще не дошёл, и тогда Кама со своими «коммандос» вынужденно завис в шикарном по местным меркам отеле, не ведая, что это самое что ни на есть настоящее осиное, змеиное и всякое прочее жалящее гнездо. Заселялись они за полночь, поэтому для постояльцев остались незамеченными, разве что администратор, прожжённая и повидавшая на свете всякого, отвыкшая удивляться, вступившая в пору осеннего увядания, попыталась завладеть паспортами всех, но после чарующей улыбки Камы и лезвием полоснувшего взгляда Малого²⁶ ей срочно понадобилось по малой нужде. Вспышкой осветила память девяностые, когда на дежурство шла, как на эшафот, когда поувольнялись даже охранники, бывшие менты, любившие порассказывать о своих былых подвигах, когда владелец гостиницы, бывший третий секретарь по идеологии местного райкома партии, крадучись проходил в свой кабинет, приходя в трепет и ужас от постояльцев. Занесла их в журнала как группу туристов, довольствовалась одним паспортом Камы, возведя его в должность инструктора, в чём, собственно, была недалеко от истины.

С виду вполне приличные и даже симпатичные дяди и тётки в футболках с надписями «ОБСЕ», «ПРЕССА», «Врачи без границ», мыслимых и немыслимых гуманитарных организаций слегка ошалели, увидев поутру выползающих во двор из дверей отеля «рэксов» с отсутствием явно выраженной печати благодушия на мятых, невыспавшихся и небритых лицах. Видавший виды камуфляж, специальные берцы с амортизирующей поддерживающей подошвой, какой-то особый пронизывающий, ничего не выражающий, холодный и даже леденящий взгляд, охватывающий разом не только то, что спереди, но и то, что справа, слева и чуть ли не сзади, выдавали специфическую профессию.

В раскрывшего было рот представителя свободной и демократической прессы толерантной Европы Малой прицелился прищуренным глазом и пробурчал сквозь зубы: «Туристы», — отчего у того сразу отпала охота расспрашивать дальше.

Джексон²⁷ улыбнулся той одному ему ведомой улыбкой, от которой сразу наступает временный паралич и возникает желание справить нужду, и уточнил, что рыбаки.

Петрович²⁸ — само обаяние — опустил на плечо журналиста свою клешню со скрюченными пальцами и проникновенно поинтересовался, не желает ли тот отправиться с ними порыбачить. Хотя пули и поработали с рукой, оставив о себе память, но силу она не убавила, и журналист отрицательно замотал головой, словно лошадь, которую достали слепни. Странно приседая, он быстро-быстро засеменил к отелю и скрылся за дверью.

Но это было уже поздним утром, когда солнце вовсю карабкалось в зенит, а запахи цветущей степи начинали бродить даже здесь, в этом пыльном, тусклом и замершем в безысходности городке.

А наша группа к тому времени уже перемахнула через «ленту» и пылила по рыжевато-коричневой грунтовке к посёлку, где нас ждали. И лишь ближе к полудню Кама со своей весёлой компашкой

²⁵ Камиль Мусин, мастер спорта по дюжине видов спорта (стрельба, парашютный спорт, восточные единоборства и т. д.), кандидат наук, инструктор.

²⁶ Снайпер из группы Камы, воевал в Афганистане, Таджикистане, Чечне и др.

²⁷ Врач из группы Камы, воевал в Афганистане, Таджикистане, Чечне и др.

²⁸ Мастер спорта, выполнял задания на Донбассе и в Сирии.

появится на базе в Луганске, чтобы почти месяц быть вместе. Условно вместе, потому что у каждой группы были свои задачи и свои способы их решения.

Глава 5

Встреча

Солнце уже припекало, пыльная полынь, настоящая июльской жарой, сушила горечью гортань, и хоть давно не курили, но сигареты так никто и не достал. До посёлка добрались часа за полтора, досыта насытив округу пылью, взбитой дюжиной берц.

На окраине жадно испили колодезной воды – холодной до ломоты в зубах, зато вернувшей вкус жизни, успевший подугаснуть за время перехода, устало погрузились в поджидавший относительно новый городской автобус – странно было видеть его в роли междугородного, но с весны много чего странного на Донбассе стало обыденным и до скуки привычным.

До самого Луганска в сопровождение пошло лишь донельзя раздолбанное «рено» с двумя молчаливыми и небритыми парнями с кроличьими от бессонницы глазами и печатью смертельной усталости на лицах. Вот и дожил до персональной «лички». Правда, одна на всех, но всё-таки почти королевский эскорт.

Гоша погрузился и вслух высказал опасение, что и у нас через неделю будет такой же вид и кроличьи глаза. Я не хотел разубеждать его, лишь философски изрёк, что уж лучше не спавши, чем навсегда уснувши.

Меня меньше всего заботило, что эти парни из сопровождения спали с гулькин нос. А вот то, что у них всего один автомат да пара пистолетов, мне нравилось меньше всего. Хотя, когда тебя крошат из засады, то разницы особой нет в том, сколько у тебя «железа» и есть ли оно вообще. Впрочем, в группе всё-таки были ножи – у Марата, у меня и у Седого, а в контактном бою нож, пожалуй, может и не уступить автомату. В общем, невесёлые мысли что-то не ко времени посетили мою седую головушку, хотя, судя по настороженным взглядам, шупающим склоны холмов да посадки вдоль дороги, не только мою. Всё-таки на всём пути до Луганска изредка пошаливали ДРГ²⁹ укров, поэтому даже не страх, а чувство опасности не оставляло до самого города. Вообще-то, оно поселилось внутри каждого и даже после возвращения будет выходить долго, выскребаясь, выцарапываясь, выбираясь. Но на войне без него никак – первейший и надежный спутник.

На базе нас поджидал Фёдорович³⁰, бывший взводный «Беркута», здоровенный шкаф без антресолей, крепко скроенный, неторопливый в движениях, немногословный, всем видом вселяющий уверенность. Кое-кто из прибывших уже не первый раз в его подразделении, но понять по лицу – рад он им или не очень – невозможно. Сфинкс, самурай, японский император, безэмоциональная кукла – мне только однажды довелось видеть Фёдоровича разъярённым. И всё-таки вряд ли он был очень уж рад даже мне с Маратом, не говоря об остальных: ему-то лишние заботы к чему?

Он отходит с Маратом и Камой в сторону, о чём-то накоротке вполголоса говорят, потом подзывает коротко стриженного крепыша в разгрузке на голое тело и приказывает выдать нам «стволы».

С крепышом мы давние знакомые – Лёха тоже из «беркутовцев», нациков³¹ ненавидит люто, приехавшим рад – значит, будет работа, но всё равно для порядка ворчит и страдальчески корчит рожу. Легко сказать: выдай стволы, а где их напасть на такую ораву? И далее понёс вдоль по Питерской да по Тверской-Ямской: и про Кемскую волость, что чуть шведам не отдали, и про Крым – слава Богу, забрали...

Конечно, Лёха для порядка кобенится, но всё же берём его в оборот.

²⁹ ДРГ – разведывательно-диверсионная группа.

³⁰ Д.Ф. Захарченко, в то время командир подразделения военной полиции.

³¹ Националисты.

– Ты, Лёш, и девственность сохранить хочешь, и оргазм получить, – ворчу я.

Марат отрезает ему пути к отступлению, советуя не строить из себя непорочную девицу и интересуется, не занычил ли тот его «весло»³², потому как ему, проходимцу, веры особой нет.

Лёха играет праведное возмущение со всем присущим ему актёрством, но быстро отпирает огромный амбарный замок, распахивает ворота бокса и картинно хватается за голову, словно его только что прострелила невыносимая боль:

– Давайте, грабьте, дармоеды. Сюда хрен кто чего положит, а как брать, так впереди планеты всей...

Конечно, дармоеды, и в этом он прав на все сто: Фёдорович отдал нам целый этаж в отдельном здании, оружие, машины, сопровождение – всё по высшему классу, а от нас что, кроме головной боли? Хорошо хоть со своей провизией. Хотя Лёха лукавит: прошлый раз мы щедро затарили его лабаз.

Лёха извлекает откуда-то из потаённых мест пару «макаровых» в оперативных кобурах, протягивает Марату и Каме, одновременно цепко фиксируя взглядом каждое движение остальных. Тут глаз да глаз нужен, не успеешь моргнуть, как сметелят что-нибудь непотребное. Но он строг и просто так шурудить в своём хозяйстве никому не позволит. Только и слышно: это положите, это вообще не трогайте, вот в этих ящиках не берите – не пристреляны, лучше вон те, и эсвэдэшку³³ возьмите – пригодится. А «мухи»³⁴ лучше не трогайте – такое дерьмо, стреляют через раз, да и то куда попало.

Мужики щедро насыпают в рюкзаки патроны, суют туда же магазины, а Пух ещё вдобавок рассовывает по карманам и эргэдэшки³⁵ – запасливый казачок, ничего не скажешь.

Ехидно интересуюсь: уж не Киев ли брать собрался? Но он назидательно, с видом бывалого, отвечает обстоятельно и серьёзно, что в нашем деле лишнего ничего не бывает, окромя начальства, внезапно забеременевшего какой-нибудь бредовой идеей. И вообще свой запас карман не жмёт.

Для Пуха эта война не первая, потому, не раздумывая, он выбрал «калаш» с подствольником³⁶ – и в обороне, и в наступлении вещь незаменимая в умелых руках.

Лёха ныряет куда-то за стоящие вдоль стены длинные зелёные ящики, извлекает запеленутый в кусок брезента автомат и, улыбаясь, протягивает его мне со словами, что это тот самый, мой старый приятель, что дождался-таки своего хозяина. Я тронут, обнимаю Лёху, благодарю, но тот ворчит, что спасибо его детей не кормит. Но это уже характер, это его хохлацкие гены, а их пяточкой не прижмёшь.

³² В данном случае автомат.

³³ СВД – 7,62 мм снайперская винтовка Драгунова.

³⁴ РПГ-27 – одноразовый гранатомёт.

³⁵ РГД-5 – оборонительная ручная осколочная граната.

³⁶ Подствольный гранатомёт ВОГ-25.

Глава 6

Луганск, грамматика войны

Утро выдалось на редкость душным, и, хотя солнце ещё нехотя карабкалось ввысь, но по всему было видно, что день зноем опалит не на шутку.

Завтрак по меркам разведчиков был просто роскошным: чаем хоть залейся, правда, с сахарком как дома, а не как в гостях, зато хлеб с изрядной долей кукурузной муки, делавшей его янтарным и аппетитным, ломтями горбатился на столе, застеленном газетами. Не скатерть, конечно, но зато чистенько и заодно можно просветиться новостями за прошлый месяц.

Марат, с шумом потягивая чай из чашки с отбитой ручкой и приспособленной под пиалу, милостиво отпускает Гошу на «скорую» – пусть трудится по специальности. Медиков там почти не осталось, так, одни слёзы: зарплату не видели с апреля, медикаментов тоже, ночуют на станции «скорой» где придётся. А Гоша по натуре романтик, точнее, восторженный бродяга, носит его по жизни то за туманом, то за запахом тайги, так что быть ему у своих эскулапов за своего.

Пух ёрничает, напутствуя Гошу в надежде, что тот хоть клизму научится ставить. Гоша парирует и обещает при случае самолично поставить ему ведёрную.

Марат исчезает, остальных, чтобы не бездельничать, занимаем чисткой оружия и подгонкой снаряжения – всё лучше, чем маяться неизвестностью. Автоматы неплохо бы пристрелять: кто знает, как они поведут себя в бою, но негде. Каждый занят: кто колет дырки в ремнях по размеру, кто подгоняет «разгрузки», кто снаряжает магазины – четыре-пять обычных, три-четыре трассера, потом опять обычные и на выходе опять три-четыре трассера. Рекомендую всем перецепить ремень автомата на антабку, что на прикладе: так удобнее. К тому же на секунду-полторы меньше тратишь на передёргивание затвора и нажатие на спуск, да и носить автомат с ремнём через грудь под правой рукой, закидывая при необходимости за спину, удобнее.

Марат материализуется ближе к полудню и сразу с порога приказывает Пуху готовить группу на выезд и обязательно брать «обвес»³⁷ по полной. И уже веско поднимает палец вверх, подчёркивая всю важность сказанного: едем снимать «грады». Машет Мишке рукой и на вопрос любопытствующего Пуха поясняет, что решил промотнуться по городу, пока группа готовится, и что вернётся через полчаса.

Пуху маетно сидеть в кубрике, гонять балду и с тоской ждать возвращения Марата. К тому же он не может скрыть обиду, что выбран шалопаем Мишка, а не он, в сопровождающие.

Мишка важничает и уже свысока подначивает Пуха, что обойдутся без сопливых. Этого тот уже перенести не мог, и тычком кулака перемещает обидчика к двери. Разминка закончена, Марат, Алексей³⁸ и Мишка, гремя каблуками, скатываются вниз по лестнице.

День выдался солнечным, дышалось легко и так же легко катилась машина, объезжая оспины на асфальте, оставленные разрывами. Водила гонял «баранку» слева направо и наоборот, виртуозно объезжая выбоины и воронки, Марат водил камерой, мысленно набрасывая сценарий будущего репортажа, Мишка глазел вовсю, вращая стриженной головой, а Алексей степенно поглаживал окладистую русую бороду и вслух размышлял о будущем мироустройстве. Его рассудительность и разумность помогала найти выход из самых критических ситуаций, и он служил противовесом в сумасбродстве Марата.

³⁷ Обвес (сленг) – оружие, боеприпасы, снаряжение.

³⁸ А.А. Гапонов, москвич, публицист, первый заместитель председателя Общественного совета гражданского общества (на 2014 год).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.